

DOI: 10.33184/dokbsu-2021.1.7

«Импрессионистическая автобиография» в прозе Поля Верлена

А. В. Солонко

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: solonkodoc@mail.ru

В настоящей статье рассматривается взаимодействие импрессионистической и автобиографической поэтики в прозе Поля Верлена. Анализ проводится по следующим критериям: пространство, хронотоп, субъективный и объективный писательский интерес и фрагментарность временной организации.

Ключевые слова: Поль Верлен, импрессионизм, автобиография, импрессионистическая автобиография.

Поль Верлен – первый и крупнейший поэт-импрессионист в мировой литературе; как известно, именно в его творчестве импрессионизм проявился в наиболее чистом виде. Стихи Верлена музыкальны и достигают смены ощущений через тональный и ритмический рисунок. Его поэзия воплощает направленность импрессионизма к распаду объектов материального мира на отдельные элементы. Однако импрессионизм Поля Верлена не ограничивается поэзией, хотя проблеме импрессионистичности прозаических произведений поэта в современном литературоведении уделяется пока еще мало внимания. Между тем, проза Верлена, и в частности, автобиографическое произведение «Мои тюрьмы», представляет собой уникальный опыт в творческой практике поэта.

Первые шесть глав «Моих тюрем» публиковались в еженедельнике «Le Chat noir» («Черный кот»), с декабря 1891 по апрель 1892 г. Полностью книга была опубликована в издательстве Леона Ванье под заглавием «Мои тюрьмы» в Париже в 1893 году. Хронологически произведение затрагивает детские годы обучения в лицее Бонапарта, поездку Верлена и Рембо в Аррас и заключение в тюрьме одиночного типа Монс. Применительно к прозе Верлена мы можем говорить не об импрессионистической манере стилизованного изображения, а об образце импрессионистической прозы. Само заглавие «Мои тюрьмы» подготавливает к личному опыту автора, отграничивая все сторонние влияния. Мировосприятие Верлена герметично к течению реального времени. Эмоции и ощущения – главные инструменты верленовской прозы.

«Мои тюрьмы» Верлена имеют явно автобиографический характер. В подобном случае грань между объектом и субъектом писательского интереса стирается, переходя в ин-

дивидуальную плоскость. Критерии автобиографической прозы отчетливо видны в прозаическом опыте писателя:

- 1) Субъективное авторское повествование как двигатель повествования.
- 2) Триединство автора, рассказчика и повествователя в одном лице.
- 3) Ретроспективная модель хронологического и временного повествования.

Ф. Лежен определяет автобиографию как *«ретроспективное прозаическое повествование реального человека, рассказывающего о собственном существовании, делая особый акцент на истории своей личности»* [1]. Главным отличием автобиографии от художественной литературы является позиция автора. Если в художественной литературе автор находится «над повествованием», сохраняя принцип беспристрастности, то в автобиографической прозе эго писательского «я» занимает центральное положение. Оно спокойно варьирует между синхронической и ретроспективной формой повествования, концентрируясь на изменении авторского сознания. Структурно и композиционно проза Верлена схожа с автобиографией, однако полноценным ее примером не является. Она представляет собой синкретизм автобиографической и импрессионистической поэтики. Перед нами модернизированная форма автобиографии с введенными импрессионистическими методами. Подход Верлена вносит новые для автобиографии черты: суггестивность, фрагментарность и крайний индивидуализм. Перечисленные черты отличают работы Верлена от классической автобиографии, формируя тем самым «импрессионистическую автобиографию».

Суггестивность. Импрессионизм – искусство суггестивности. При помощи принципа суггестии импрессионисты воздействовали на сознание читателя, воссоздавая запоминающиеся пейзажи души. Для воздействия они использовали звукопись, цветопись и ощущение от нахождения в пространстве. Ощущения от действительных объектов неразрывно связаны с эмоциональным состоянием автора. Душа и ее мельчайшие движения оживают в работах писателя – импрессиониста. Она диктует отображаемые эмоции: грусть, радость, восторг и обреченность. Пейзаж души задает настроение для произведения. Автор в таком случае выступает в роли транслятора приходящих эмоций. Эмоция в своем первозданном и не структурированном виде становится формообразующей конструкцией текста. Выразить впечатления, чувства и эмоции на манер пейзажной зарисовки становится главной задачей импрессиониста как в стихах, так и в прозе. *«Субъект и объект слиты воедино, нельзя четко разграничить их и понять, как создается настроение: эмоции заставляют героя так видеть пейзаж, или, напротив, внешний мир, пейзаж, влияет на чувства субъекта»* [2]. Лиризм, характерный для стихов Верлена, переносится им в прозу. Доминирующими настроениями в «Моих тюрьмах» становится чувство замкнутости, потери и тоски. *«Каковы были мои впечатления от этого ненастоящего «ареста»? Естественно, я не могу с точностью определить их теперь, в зрелом возрасте, после стольких лет и стольких куда более серьезных засовов, запиравших мою человеческую свободу по таким-то и таким-то причинам...»* [3, с. 151].

Фрагментарность. В классической автобиографии категория времени имеет две четкие функции развития: ретроспективную и синхронную. Личность, пишущая автобиографию, одновременно находится в двух пространствах: настоящем и прошлом. Временная организация в автобиографической прозе в основном ретроспективная, так как воссоздает прошедшие события. Подобная композиция позволяет расставить первостепенные аспекты в повествовании и осветить уже произошедшие события с новой точки зрения. Финал произведения часто остается открытым, реализуя не полное осмысление жизни, а один из ее отрезков. Все вышеперечисленные критерии характерны и для верленовской автобиографической прозы, но с одним отличием. В своих работах Верлен реализует принцип фрагментарности. Не стоит путать картины воспоминаний и импрессионистическую фрагментарность. Первым свойственна роль ситуаций, которые разбивают линейное повествование. Для вторых характерна фотографичность и мимолетность в тексте. Картины воспоминаний не всегда связаны с главной сюжетной линией. Они используются как единицы времени для того, чтобы подчеркнуть вневременное положение автора. Фрагментарность в импрессионистическом тексте выполняет противоположные функции. С ее помощью в тексте отображается главный объект повествования – душа автора. Ранее нами уже отмечалась склонность импрессионистической поэтики к выборочности и мимолетности эмоциональных порывов. Таким образом, части текста похожи на фотографические снимки, изображающие изменения чувств. «Мои тюрьмы» не являются примером монолитного и взаимосвязанного текста. Отличительной особенностью становится тяга к неорганизованности, отрывочности и эпизодичности повествования. Благодаря фрагментарности становится возможным изобразить изменения чувств и впечатлений в их непоследовательности. Поэт выбирает хронологически несвязанные моменты из жизни, сосредотачиваясь не на материальном мире, а на мире эмоций.

Крайний индивидуализм. Автобиография по манере повествования может быть «эпической» и «лирической». В первом случае описывается совокупность исторических и социальных факторов, которые повлияли на личность. Во втором – рассматривается всестороннее изменение и становление рассказчика. При лирической манере повествования сложно определить, правдив в своих воспоминаниях автор или нет. Субъективность в оценке действительности и воспроизводстве эмоциональной палитры могут поставить под сомнение правдивость автора. В подобном случае грань между автобиографией как исповедью и автобиографией как личностным мифом, становится трудно определяемой. Но такое двойственное положение индивидуализма в прозе дает свободу в отображении внутреннего мира художника. Писатели и художники-импрессионисты изображали исключительно личные впечатления. «*В прозе И., как и в поэзии, поставлен в зависимость физиологии, темперамента, осознанны в терминах мастерства, форм виденья, которая придает переживанию, субъективности пространственное измерение*» [4, с. 300]. И если художники пытались показать мгновение, уви-

денное ими, то писатели отображали испытываемые душевные порывы. Отдельно крайний индивидуализм не является исключительной особенностью импрессионизма. Но через синтез с фрагментарностью и принципом суггестии крайний индивидуализм становится не просто приемом, а чертой поэтики импрессионизма. «Мои тюрьмы» отвечает выдвинутым критериям импрессионизма в прозе.

Писатель отсылает к опыту заключения и лишения свободы, описывая в первую очередь свое эмоциональное состояние. Наблюдение реальности и обстановки происходит через личностное ощущение Верлена: *«Карцер, впрочем, вполне сносный, светлый, ни мышей, ни крыс, ни железных засовов, есть на что сесть»* [3, с. 151]. У читателя объективное отношение пропадает: ему внушается авторская позиция (принцип суггестии), он смотрит на мир чувствами героя: *«Поверх стены, видной из моего окна (у меня было даже окно, настоящее! хотя и забранное частой решеткой), за тем унылым двором, где билась, если смею так выразиться, моя смертельная тоска, я видел – а дело было в августе – качающуюся верхушку высокого тополя»* [3, с. 163]. Четкой сюжетной последовательности в тексте не прослеживается. Все повествование разворачивается вокруг субъективного эмоционального фона писателя. Сюжет не развивается в привычном понимании прозаической системы, он согласно импрессионистическому методу использует моменты из жизни, как снимок ощущений. Текст Верлена – особое ощущение пространства с опорой на субъективизм, который выражается через эмоциональную окраску. Такой подход ослабляет роль сюжетной фабулы, но выводит на передний план особую систему образов, вызываемую сознанием рассказчика.

Важнейшим аспектом автобиографичной прозы Верлена является индивидуальный психологизм. Он раскрывается через суггестивное воздействие на подсознание читателя. Верлен выбирает метод субъективного психологизма, чтобы раскрыть грани своего характера. С этой новой формой связано понятие «настроения». Автор раскрывает свой психологический портрет во всех сложностях, обнажая сущность внутреннего состояния. Верлен в произведении мыслит и чувствует непоследовательно и ассоциативно, «принуждая» к этому процессу и читателя.

Этим обусловлена и хаотичная манера повествования и построения текста. Верлен словно скользит по воспоминаниям своего прошлого, вычлняя наиболее яркие моменты, диктуемые подсознанием. Весь текст – ассоциативно выстроенные впечатления от разных жизненных событий. В связи с этим текст кажется непоследовательным в повествовании и варьирующим вокруг психологического состояния автора. За исключением нескольких дат и мест Верлен не работает с деталями окружающего мира. Он не избавляется от упоминания предметов окружающей среды, а выстраивает их через личное ощущение: *«Поэтому моя камера, расположенная в отдельном здании, открывалась только на один час в день для одинокой прогулки во дворе, вымощенном булыжником – таким твердым! наводящим тоску!»* [3, с. 163]. Главная движущая сила повест-

вования – это эмоция. Она показывается в каждом абзаце текста, вследствие этого мысли автора кажутся быстро сменяющимися: *«День пересмотра дела сиял из будущего, если смею так выразиться. Да, сиял! Что за чудная погода была в тот день, что за солнце! Я, северянин, любовался им, хотя не слишком люблю солнце, у меня от него тошнота, оно меня одурманивает, ОСЛЯПЛЯЕТ, и мне решительно милее ясная зима...»* [3, с. 168].

Авторскую непоследовательность объясняет подход импрессионистического метода, в основе которого запечатление определенных чувств от конкретно взятого момента. Верлен фиксирует душевные изменения и колебания. Пространство сознания в прозе писателя переходит в реальность грез. Автор переживает духовное перерождение в заключении, которое выражается через различие настроения повествователя. До духовного перерождения мысли героя пессимистичны и меланхоличны: *«Но удобств – в обрез. Особенно свет, хотя и достаточный, скупо сочащийся сквозь горизонтальную решетку окна – о, как высоко! – и, дерзну повториться, зарешеченный горизонт. Но что за счастье спать в настоящей кровати! И что за блаженство – это более чем скромное подобие другой, тоже скромной, но уютной комнаты из недавнего – увы! – прошлого, супружеской спальни с кроватью посередине!»* [3, с. 172]. Но после они становятся яснее и спокойнее: *«Не знаю, что – или Кто – внезапно поднял меня ото сна и выбросил из постели, неодолеваемого, и я простерся в слезах, сотрясаясь от рыданий, перед распятием и картинкой, сверх всякого ожидания породившей самую странную для современного католичества, но в моих глазах – самую возвышенную вспышку веры* [3, с. 174]. Уникальность прозы – в фотографичном запечатлении изменения эмоционального фона писателя. Все повествование строится вокруг протоколирования мельчайших изменений в душе героя. В этом видна связь импрессионизма с натурализмом. Схожесть писателей натуралистов и импрессионизма – в общем желании исследования мира. Натуралисты выбирали из мира конкретно взятый момент из жизни, а импрессионисты – конкретную эмоцию из определенного ее отрезка.

Прозаические произведения Поля Верлена, как и его стихи, содержат в себе опыт импрессионистического направления. Верлен при помощи хрупких эмоциональных порывов, балансируя на грани реальности и ассоциаций, создает психологический пейзаж, разделяя его на разнородные элементы, вызывая субъективные настроения. Они оживают и появляются в мгновения личных ассоциаций рассказчика: *«Она расположена на окраине города и напоминает колесо, зажатое меж четырех стен, образующих четырехугольник, все строение завершается многогранным куполом часовни. Входные ворота окружены искусно выполненной серой каменной кладкой – довольно удачная имитация готики. Может быть, патина времени и расстояния, как, впрочем, и приведенные стихи представили мне в кроваво-красном цвете те самые кирпичи, которые некогда, вблизи, казались мне почти бледно-розовыми»* [3, с. 184]. Прозаический опыт Верлена соответствует сформулированным тезисам братьев Гонкур, зафиксировавшим основные тезисы импрессионизма в «Дневнике» фразой: *«Видеть, чувствовать, выразить –*

в этом все искусство»[5, с. 489]. Совмещая в себе эти тезисы, «Мои тюрьмы» представляют собой образец импрессионистической прозы, в котором человек, смешивается с миром вещей и распадается на трепет эмоций.

Литература

1. Лежен Ф. Когда кончается литература?// Автобиографическая практика в России и во Франции / под ред. К. Вьолле, Е. Гречаной. – М. : ИМЛИ РАН, 2006. – С. 261–275.
2. Латухина А. Л. Поэтика импрессионизма во французской и русской лирике конца XIX – начала XX веков [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения 4.10.2020).
3. Верлен П. Мои тюрьмы // Романсы без слов: Поэзия и проза. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2011.– С. 151 – 184.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НП «Интелвак», 2001. – 1596 с.
5. Гонкур Э., Гонкур Ж. Дневники: записки о литературной жизни. В 2-х т. – Т. 1. – М.: Худ., лит., 1964. – 712 с.

An impressionistic autobiography in Paul Verlaine's prose

A. V. Solonko

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: solonkodoc@mail.ru

This article examines the interaction of impressionistic and autobiographical poetics in the prose of Paul Verlaine. The following criteria were chosen for the analysis: space, chronotope, subjective and objective writer's interest, and fragmentation of temporal organization.

Keywords: Paul Verlaine, impressionism, autobiography, impressionistic autobiography.